

П.А. Майданюк

СПАСЕНИЕ ТОЛЬКО В ОСОЗНАНИИ

Последние годы жизни Петра Проскурина связаны с Тверью. Как говорила в одной из радиопередач на ГТРК «Тверь» его верная самоотверженная жена и помощница Лиана Рустамовна «то, что он сделал за 6-7 лет на тверской земле, феноменально даже для него, при его работоспособности. Это его дань древней земле, культурные слои которой безмерно глубоки. Совершенно не случайно, что Тверь первая, раньше всех увековечила память о Петре Лукиче».

Мало кому известно, что здесь, на тверской земле, были в основном написаны все его остропублицистические, философского склада произведения: романы «Седьмая стража», «Число зверя», сборники повестей «Азь воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белый ночей», вторая книга повести «Порог любви».

Мною готовится к публикации книга «Петр Проскурин и тверской край». Предлагаемая статья – одна из ее глав.

Будучи на вершине писательской славы, П. Проскурин обращается к животрепещущим вопросам современности, высвечивая грозные черты нарастающего дня ото дня общественного неурядиства: разрыва между словом и делом, засилья краснбайства, казнокрадства, социальной коррозии. Писатель-патриот сознательно идет путем ужесточения правды, какой бы горькой она ни была.

Страждущее желание понять, что происходит с русским народом, с Россией, а главное - что такое народ, в данном случае – русский народ – денно и нощно преследовало Петра Проскурина, пронизывало его прозу последних лет ушедшего тысячелетия. В одной из бесед он признавался мне: «Это очень сложный вопрос, больной для всякого мыслящего человека. Потому что, на мой взгляд, русский народ, то ли в силу своей исторической судьбы, то ли в силу каких-то непонятных обстоятельств, как народ, по сути дела, перестает существовать. Это очень тяжелый вывод».

Взвихренность, неуспокоенность, мятежность с особой пронзительностью встают перед читателями со страниц сборника прозы «Азь воздам, Господи», изданного «Роман-газетой» (1988. № 14). Открывает сборник повесть, обозначившая его название – «Азь воздам,

Господи». Но о ней – в свое время. Вначале – о следующей за ней: «Однажды в сумерках».

Евдокия Савельевна Зыбкина – известная всей стране, «выбитая из колеи» Указом о присвоении ей самого высокого звания, на своей даче «с просторным концертным залом, с лифтом на второй и третий этажи и с теплым гаражом на два десятка машин», - ждет приезда одного из самых влиятельных лиц в государстве, «партийного козла, мгновенно перескочившего из коммунистов в демократы», с его любовницей – «аристократкой актрисой Дубовицкой». Она тщательно готовится к предстоящему приему, обряжая все подходящие для того части тела золотом и драгоценностями. Совершая предпраздничную прогулку недалеко от дачи-дворца, окруженного, кстати, к приезду немислимой важности гостя многочисленной охраной, Евдокия Савельевна неожиданно, не в страшном сне, а наяву становится свидетельницей и участницей сюрприза почти фантастического, фатального.

Происходит не «фантастическое» и не «фатальное», а вполне заурядное, ставшее уже неотъемлемым и привычным в нашем просвещенном государстве действие. Проникший сквозь «плотные заставы охранников-профессионалов» вор-рецидивист (теперь это называется далеким от русской лексики словом «рэкети́р»), угрожая ножом, «просит» ее сложить все драгоценности в предусмотрительно раскрытый саквояж: «Возьми, возьми, сдерни с себя все цацки и аккуратненько, слышишь, ничего не оброни в снежок... аккуратненько сложи в саквояжик...». Ничего неординарного, казалось бы, не происходит. Повседневная реальная наша действительность, которой никто уже и не удивляется.

И далее П. Проскурин устами Сергея Романовича (вора – П.М.) выносит приговор этой действительности, высвечивая причины и виновников беспредела, социальной чумы, свидетелями которых мы являемся сегодня, ежедневно и ежечасно: «Ну что ты заходишься, тетя Дуня, - стал сердечно утешать ее ночной приятель, явно донельзя довольный происходящим, - ты себе еще по десять раз столько напоешь, наплачешь за месяц-другой, а мне где взять? Сама подумай, мне тоже жить хочется – ты же видишь, совсем еще молодой. Не жалея, всенародная наша, все на этом свете прах и суета...».

Из того, что каждодневно встречается в нашей непонятной (непонятной ли?) повседневности мы слышим в диалоге «талантливой и всенародной» Евдокии Савельевны с «вором в законе». И, наконец, то самое, что делает рассказ остропублицистическим: «...Ты же умная, матушка, знаешь, что не я вор, а те наверху, которых ты своими песенками ублажаешь. Они-то и есть настоящие бандюги, всю Россию по винтикам растащили, распродали... мы сейчас с этими верхами накрепко сшиты, а там мы еще посмотрим, кому окончательно власть вручить. Может, себе оставим. Знаешь, сколько людей на самые верхние высоты выбились, если сказать тебе – дух захватит».

Рассказ «Свидание с собой» вновь возвращает нас к нашей действительности с ее «свинцовыми мерзостями». Прошедший «Афган и Чечню» главный герой рассказа Гоша видит их на каждом шагу в родном городе, столице великой России. С болью в сердце и ожесточением слушает он откровения соседки, сердечной подруги своей умершей матери: «Сейчас даже ношпу купить – половина моей пенсии... Никак не нажрется наш всенародный, чтоб он подавился нашим горем! А я еще, дура старая, за него голосовала, горло драла! Всех одурманил своей пьяной мордой, гляди-ка, мол, свой в доску! Простить себе не могу...». Реальность сегодняшнего дня нашего Богом забытого Отечества во всей наготе своей встает перед израненным в ненужных и позорных войнах и едва оставшимся в живых Гошей. Видит он Первопрестольную в зазывных рекламах чуждых России казино и иных «вертепов». Видит он и «зримые плоды» «дерьмократии», пестуемой «всенародно избранным» и его камарильей – «однорукого» мальчика-нищего (он имитирует свое убожество), сидящего в конце подземного перехода на грязной подстилке. И вдруг (вдруг ли?) между этим маленьким нищим и бывшим офицером, уволенным в запас после взрыва чеченской мины «по пожизненной инвалидности», установилась какая-то больная и необходимая связь, и она прорастала с каждой новой встречей все глубже и подчас становилась неодолимой, пронзительно сквозящей, мучила Гошу, и он не знал, что это такое.

Еще совсем недавно боевой офицер, защитник России, он принимает бескомпромиссное решение стать покровителем мальчика, эксплуатируемого, как побирושка и крепостной, мафиозным жлобом, шикарно одетым, вооруженным и едущим на иномарке. Тайно оберегаемый посторонним дядей мальчик бросается убивать «хозяина», когда тот схватился в смертельном поединке с Гошей. Закабаленное детство ринулось защищать доброту. Но когда, где и как у нас, нашего народа, отобрали эту доброту? А главное, кто отобрал детство у наших детей, у будущего нации? Отобрали те, кто жирует сейчас на вершине власти, чьи дети и внуки там, «за бугром», обучаются ремеслу окончательного убийства России, вскормившей на свою несчастную голову их дедов и отцов-оборотней.

Концовкой рассказа П. Проскурин дает ясный и недвусмысленный прогноз. Увидеть Россию, поруганную ее недругами, державной, единой, непобедимой доведется если не Гоше, то Ваньке (так, оказывается, зовут мальчика-нищенку) – это уж точно. В том убеждают слова маленького мстителя, завершающие рассказ: «Я не маленький! Вы меня еще не знаете, тетенька Ася... да!».

Повесть «Азь воздам, Господи» являет собой логическое средоточие «прочитанного» нами выше. Будучи талантливым и совестливым писателем, искренне любящим Россию, главный герой Толубьев не приемлет все то, что творят сокрушители и растлители. Им

проданы самые ценные для него сокровища – уникальные книги. Проданы за бесценок, так как ему, известному писателю, не на что жить.

Сосед по подъезду, преуспевающий «новый русский» опасается «тлетворного» влияния Толубьева на своего отрока, тянущегося к светлому и праведному писателю. И здесь, в этой повести, П. Проскурин сводит в диалоге людей, коих можно определить «небо» и «земля», «свет» и «мрак»: «Сознайтесь, Родион Афанасьевич, - пытается убедить прохвост Толубьева, - ваш прекраснодушный и романтический мир рассыпался, исчез. Россия теперь другая, теперь главное в России – деньги. Это и сила, и власть...

- Ошибаетесь, господин Никитин! – покачал головой Толубьев. – Россия прежде всего – Бог, а сейчас она в глубоком помрачении, это, поверьте, обязательно пройдет. Вы слишком много на себя берете. Не нами было сказано: «Азь воздам!»... Так было, так будет всегда: «Азь воздам!». Ну, а если все повернется по-вашему, то это будет уже не Россия, а нечто иное».

Великий русский философ И.А. Ильин, вынужденно проведенный долгие годы вдали от России, искал для себя опору, надежду и утешение в обобщенном взгляде на разрушающееся время, на уничтожение тех ценностей, которые веками копились самой дорогой ценой – ценой человеческих жизней. Он писал: «Тема угасающей России, нравственного и физического вымирания ее народа грозит всем перед лицом Божьим».

Человеческая жизнь, «цена человеческой жизни» - ничто для «новых бесов», наводнивших Россию, грабящих ее, растаскивающих награбленное по своим многоэтажным и многомерным преисподням. «Господин» Никитин, не отягощая себя даже проблеском мысли о суде Господнем, по-своему разрешает намечающийся союз ученого-патриота и своего смертельно больного сына Сережи. Трагичность ситуации усиливается тем, что убийство Толубьева совершается в тот самый момент, когда он узнает о свершении своей самой сокровенной мечты – рождении внука: «Толубьев расправил плечи, и в тот же миг тяжелая пуля, вылетевшая из мрака, точно ударила ему в середину лба и, выходя, выломала рваный кусок кости из затылка. Время вспыхнуло, рассыпалось и погасло. Вздернув руки, он обвис на решетке балкона, в одно мгновение разделившей два несовместимых, взаимно исключаящих и непрерывно переливающихся друг в друга мира».

В рассказе «Тихая пристань» П. Проскурин тональностью зачина настраивает читателя на «глоток кислорода» после удушающего смрада, заполнившего русскую действительность, то есть, исполняет ту же роль, что и в книге «Огненный ангел» рассказ «Рваное ухо»: «Под карниз дома привычно и ловко метнулась ласточка, повисла на уже наметившейся на фронтоне подковке будущего своего гнезда, добавила в постройку еще один комочек грязи, разгладила его клювиком, радостно щебетнула и вновь умчалась за новой порцией материала – время не ждало, и птичьих хлопот впереди было хоть отбавляй – и гнездо построить, и выстелить его изнутри

пухом да сухими травинками...». Намеренно прерываю фразу, ее продолжение снимает ту умиротворенность и душевное равновесие, что сопровождали Кузьмича, героя рассказа, «пытливым взглядом» окинувшего свое хозяйство, наблюдавшего за действиями пернатых зодчих.

Своим «пытливым взглядом» Кузьмич, простой труженик, на каких всегда держалась и сейчас еще чудом держится Россия, охватывает не только свой небольшой двухэтажный дом с балкончиком в сад, на который он «ухлопал лет тридцать в самом мужском расцвете своей жизни», но и далеко окрест. Он убедился, что нельзя верить ни газетам, ни радио, «ни этим бесстыдным крашеным бабам, сутками без усталости стрекочущим в своем голубом ящике обо всем на свете». Беспокоит Кузьмича, что все вроде взбесились, молодежь кинулась торговать, каждый, не брезгуя средствами, хочет обустроить себя на всю жизнь в один момент, и «в Швейцарии или даже за океаном счет миллиардов на десять займет, и под Москвой невиданный дворец в месяц или два возвести...».

Вновь проследив за стремительным полетом ласточки, наш герой и не хотел, но задержался взглядом на сказочном дворце в четыре этажа, «возникшем перед изумленными жителями поселка... как бы во сне, вроде бы за одну ночь».

И не вина, но беда Кузьмича, что его домишко, как то ласточкино гнездо, слепленный «по крошке» за долгие годы, оказался помехой для этого самого сказочного дворца: именно через него должен пройти парадный въезд в усадьбу «в мавританском стиле». Уже и дом Кузьмичу отгрохали взамен его «гнездышка». Есть в том доме «подвал, мастерская... Газовая колонка. Горячая вода, туалет кафельный». Одним словом – «тихая пристань», по словам «нового хозяина жизни». П. Проскурин вновь обращает внимание читателя на тот беспредел, что происходит в больших и малых городах России, на то, как растаскивается, разворовывается, вывозится за границу народное достояние. И делается все это с ведома и согласия власть предержащих аж до самого верха. Вот он, «новый нерусский», представленный нам бабкой Натальей, женой Кузьмича: «Слышь, Степан, опять этот ирод, Колька Голованов. Слышь, не перечь ты ему, у него, говорят, вся область в кулаке, у него, говорят, сам областной прокурор в кумовьях ходит, вроде у него какая-то алмазная труба в Якутии в кармане. Он, говорят, к самому Бориске Ельцину дверь ногой открывает – бац выступком, и все тебе. А раз народ говорит, так оно и есть. Слышь, может, согласиться? Ну его к лешему, дожить спокойно не дадут...».

Кузьмич уступает всевластному «хозяину российской жизни», переселяется в ненавистный ему новый дом – «тихую пристань», на его счет в сто миллионов рублей идут немалые проценты. Но... «Он худел, остатки волос окончательно выцвели и превратились в легкую дымку, стали невесомы – Кузьмич как-то глянул на себя в зеркало и опешил...».

И вдруг что-то непонятное произошло с Кузьмичем, он вдруг вспомнил о своих орденах и медалях, «а их было ровно одиннадцать», он

долго рассматривал их, и неожиданное решение, непонятное пока читателю, принимается безотлагательно: «Кузьмич неожиданно подхватился и, повеселевший, чем окончательно поверг жену в недоумение, к вечеру уехал в Москву... Вернулся он только на третий день, молчаливый, осунувшийся... спустился в мастерскую. Оглядевшись, он достал из внутреннего кармана куртки тяжелый сверток, полюбовался новеньким вороненым пистолетом, загнал в него десятизарядную обойму, с удовлетворением подбросил еще раз на ладони и, вновь завернув в промасленную бумагу и тряпицу, спрятал в потаенное пространство между слесарным шкафчиком и стеной, где у него всегда теперь хранились на всякий случай самые дорогие и нужные инструменты».

Нет, не уступит Кузьмич и такие, как он, построенного и завоеванного своей жизнью. В этом убеждает нас концовка рассказа: «...зашелестел крупный косой дождь, и следом рванул шквальный ветер. Кузьмич почувствовал, что его сбивает с ног какая-то бешеная шалая сила, но устоял, с места не сдвинулся, лишь подставил лицо хлынувшему с неба потопу».

Сам Петр Проскурин о книге «Азь воздам, Господи» говорил следующее: «В ней я размышляю о том, что сейчас происходит с нашим обществом, с нашим народом. В общем-то оптимизма у меня там мало. Я, не желая что-то предрекать, хочу сказать, что предстоит очень и очень трудный период русской жизни, русского пути. Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придет только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше и чего попытались его лишить».